ПЯТЬ АБЗАЦЕВ ОТ АВТОРА

Благодарю, уважаемый читатель, потому что книга из молодогвардейской серии «ЖЗЛ» «Легендарные разведчики-2» родилась исключительно благодаря вам. Первая – «Легендарные разведчики» – была вами оценена, раскуплена, несколько раз за короткий срок переиздана. И на встречах с вами, читателями, и по почте – простой и электронной – вы спрашивали о продолжении, даже подсказывали имена. И я решился.

Меня предупреждали: рискованно. Ведь почти обо всех разведчиках первого плана уже рассказано в «Легендарных...». Не соглашусь. Хотя бы потому, что, по крайней мере, для меня и, верю, для вас не существует разделения людей этой штучной, точнее уникальной профессии на первый или второй разряды. Есть герои более известные, которым в силу различных, иногда грустных и даже трагических обстоятельств суждено было выйти из безвестности раньше остальных. С других, порой лишь после кончины, сняли, казалось, вечный гриф секретности. И потому знакомство с Еленой Модржинской, Иваном Михеевым, Джо Ковалем, Клаусом Фуксом, настоящим подполковником Рудольфом Абелем – не полковником Вильямом Фишером, из оперативных соображений воспользовавшимся именем и фамилией своего друга, – ...будет для читателя полезным.

Не мог не вернуться к прежним Героям – тому же Вильяму Фишеру, Рихарду Зорге, о деятельности которых за последнее время стало известно немало нового из архивов – государственных и сугубо личных, родственных. Попробую изложить новую версию, подчеркиваю, лишь версию, гибели великого Николая Кузнецова. Отвечаю на часто задаваемый вопрос, был ли разведчиком академик Евгений Примаков, спасший Службу внешней разведки от грозившего

ей в начале 1990-х развала. Постарался рассказать о Герое России Икс, чье имя пока не раскрыто. Может, удастся назвать его фамилию и поведать о совершенных им подвигах в «Легендарных разведчиках - 3»? Но это я забегаю вперед. Введу и некий момент мистификации. Среди персонажей этой книги и любимица Гитлера – русская актриса Ольга Чехова. Но была ли она советской разведчицей?

И последнее. Перед некоторыми моими героями я испытываю некое чувство если не вины, то не до конца выполненного писательского долга. Что-то и когда-то я о них рассказывал, представлял, не выделяя из общего ряда. Сейчас они, к примеру, Михаил и Елизавета Мукасей, Юрий Соколов... снова с нами.

Благодарю за помощь Пресс-бюро Службы внешней разведки РФ во главе с Сергеем Ивановым, моих добровольных помощников – собкора ТАСС в США Андрея Шитова, исследователей Бориса Александрова, Бориса Рябчикова и Льва Моносова, редактора этой книги полковника разведки в отставке Игоря Прелина и многих, многих других небезразличных и отзывчивых, без которых не пишутся такие книги. Вот и всё. Теперь вы готовы? Тогда переворачивайте страницу.

Ваш Николай Долгополов

ЗОРГЕ БЕЗ МИФОВ

Рихард Зорге

Парадоксально, но гражданин Германии, немецкий коммунист Рихард Зорге, получивший затем советский паспорт и ставший резидентом военной разведки СССР в Токио, действительно появился на свет поблизости от Баку.

«Я родился на Южном Кавказе, меня привезли в Берлин совсем маленьким. Этот факт из моей жизни я всегда помнил. Я, возможно, слишком русский, я – русский до мозга костей». И первые слова, им произнесенные, были русскими. Лишь в Берлине в возрасте четырех лет мальчик заговорил по-немецки.

Недавно еще раз полюбовался памятником Зорге, установленным в начале 1980-х в столице советского тогда Азербайджана. Монументальная работа знаменитого скульптора Владимира Цигаля, сделанная в соавторстве с бакинскими зодчими, одна из достопримечательностей города и уж точно украшает парк, где степенно прогуливаются жители.

Что не украшает, так это комментарий гида на английском языке, постоянно называвшего казненного 7 ноября 1944 года в Токио Зорге «советским шпионом». Даже немцы, в основном и ехавшие в огромном экскурсионном автобусе, озадачились таким жестким ярлыком. Потом подходили ко мне, говорили на нормальном, как говорят теперь многие немцы, английском, что и в их понимании Зорге не шпион (*spy*), а разведчик (*intelligence man*).

Впрочем, как объяснил мне гид, есть два варианта одной и той же экскурсии по городу Баку. Одна – на английском, к нам, россиянам, безжалостная. Вторая – на русском, более мягкая по отношению к гостям из веками близкой Азербайджану страны. Надеюсь, хоть в «более мягкой» своего легендарного земляка Рихарда Зорге именуют разведчиком.

Кстати, о том, кто разведчик, а кто и шпион, я долго говорил с ушедшим ныне Героем России, полковником, атомным разведчиком, историком, теоретиком и аналитиком разведки Владимиром Барковским. Владимир Борисович, которого еще до ухода называли легендой советской разведки, высказывался на сей счет точнейше: «Человек, который приносит пользу твоей родине – всегда разведчик. Наносящий ей ущерб – шпион». Уверен, что братскому Азербайджану Рихард Зорге ущерба никогда не наносил.

Но как же Рихард Зорге «попал» в Баку? История проста и документально подтверждена. Его отец, немецкий инженер Герман (наберитесь терпения) Адольф Рихард Курт Зорге, работал здесь в селении Сабунчи с 1885 года обычным техником на нефтяных промыслах у того самого и выдумавшего знаменитую ныне премию промышленника Нобеля. Потом, поднакопив деньжат, сделался владельцем чугунолитейного и механического завода. Но летом 1892 года добралась до Сабунчи эпидемия холеры, и жена немца умерла. И он, вдовец с несколькими детьми, женился на молодой прислуге – 22-летней сироте, дочери рабочего-железнодорожника Нине Кобелевой.

Брак, как ни странно, сложился удачно. Нина искренне полюбила солидного немецкого инженера, жили они в счастье и достатке. 4 октября 1895 года в поселке Сабунчи Бакинского уезда Нина Кобелева-Зорге родила сына, названного Рихардом.

Его отец совсем не интересовался политикой. Странно, ведь в жилах Германа Адольфа... текла и кровь Фридриха Зорге, одного из основателей и секретаря I Интернационала, друга и помощника Карла Маркса, а также Фридриха Энгельса. Сын Рихард приходился Фридриху Зорге внучатым племянником. Соратник Маркса скончался в Америке. Вышла его обширная переписка с основателями марксизма. Только вот отец Рихарда детям своим завещал держаться подальше от всяких революций и пахнущей кровью политики. В Баку семья жила в мире со всеми, ни в какие конфликты не ввязывалась.

Этот бакинский период продлился недолго. Через три года все многочисленные отпрыски Зорге во главе с отцом отправились в Берлин, где в западном пригороде на Манизерштрассе и прошло детство Рихарда или Ики, как его нежно называли вся родня и знакомые. Так что еще раз: младенец никакого вреда бакинцам нанести был просто физически не в состоянии. Несколько детских лет в Азер-

байджане – единственная безмятежная пора в его суровой, щедрой на испытания жизни.

Иногда вдруг всплывали какие-то «бакинские» подробности. То мой приятель, давно покинувший Азербайджан, рассказывал, будто его бабушка жила «ну, совсем рядом, прямо по соседству с семейством Зорге». И эта мудрая старая армянская женщина-бакинка каким-то образом поддерживала связи с уехавшими в Германию. И даже еще до Второй мировой знала, кем стал росший на ее глазах до трех годков Рихард. Но вот это – уж вряд ли. Если бакинская бабушка поддерживала связи с близкими Зорге, то вряд ли ей сообщали из столицы Рейха о судьбе коммуниста Рихарда, сначала арестованного в Германии, а потом вдруг как в воду канувшего.

Или выискивались в столице Азербайджана знатоки, утверждавшие, что некоторые другие родственники Рихарда Зорге тоже работали на советскую разведку. Обучались «на нелегалов» в СССР, а еще конкретнее – в том же Баку. Никаких документальных подтверждений этому нет.

По-моему, домыслы о родственниках – чекистах родились потому, что в окружении будущего Героя было немало тех, кто впоследствии отдал уже в Германии дань увлечения (или, как Рихард, – жизнь) марксизмом. Так что все это – мифы, без которых не обойтись ни одной видной личности.

Но бакинские легенды, как и памятник в парке, мне, честно говоря, нравятся. Они делают разведчика ближе, роднее. Это ж здорово, когда людям из разных точек бывшей огромной страны хочется верить: он и наш Герой тоже.

Хотя Рихард Зорге начинал в армии немецкой. В Первую мировую пошел на фронт добровольцем. Быстро понял, что к чему и кому нужны такие войны. После третьего тяжелого ранения врачам пришлось его оперировать. Левая нога стала короче, Зорге слегка прихрамывал, но ничуть этого не стеснялся. Своеобразная походка даже придавала ему определенный шарм.

Как тут не вспомнить еще одного Героя – только России – атомного разведчика Александра Феклисова. В молодости, спасая людей, он отморозил ухо. Но настолько не обращал внимания на недуг, что и все его соратники, агенты, иностранные оппоненты невольно свыклись с этим, поняли, что глухой на одно ухо полковник прекрасно слышит мир. Вот и легкое прихрамывание Зорге вызывало у женщин некое восхищение – навстречу им идет рыцарь, герой.

Рыцарь – не рыцарь, но в Германии он участвовал в восстаниях и боях, которые, как надеялись и немецкие рабочие, и российские их вдохновители, закончатся такой же революцией, что произошла в 1917-м в России. Не получилось. Тюрьма, подполье, знакомство и работа с вождем немецкого пролетариата Эрнстом Тельманом. И здесь, подметив в Зорге нечто выделяющее его из толпы митингующих, ему поручают ответственный пост: он отвечает за безопасность представителей высшего советского и партийного руководства, приезжающих в Германию. Охрана ведется если и не совсем профессионально, то с большим старанием.

Тут к Зорге начинают приглядываться советские чекисты. Такой приятный, старательный парень очень пригодился бы Коминтерну и в Москве. В ней Рихард обосновывается в 1924-м, получив советское гражданство.

В столице мирового социализма он пишет великолепные статьи – почти все под своей фамилией – в коммунистической прессе и работает в отделе информации Коминтерна. Странно, что коммуниста и публициста никак не прикрывали, печатался хотя бы под псевдонимом. Ведь из инфоотдела до разведки всего лишь пара шагов. Зорге делает их не по приказу. Он уверен, что именно работая за кордоном, сможет принести наибольшую пользу мировой революции.

Откровенно говоря, мне так до конца и непонятно, как удалось Зорге больше десяти лет избегать всяческих подозрений со стороны суровых фашистских спецслужб. Хорошо, действительно работал вдали от Третьего Рейха. Но как не попал в сети контрразведки, бдительно раскручивавшей жернова проверок, еще когда жил в Веймарской Германии? Ведь были и арест в 1920-м, и членство в германской компартии. А десятки брошюр и статей исключительно антифашистского, даже скорее сугубо коммунистического толка. Они издавались под настоящей фамилией журналиста и в Германии, и в Советском Союзе. Допустим, Киму Филби и другим членам так называемой «Кембриджской пятерки» юношескую левизну простили благодаря благородному происхождению и родительским генам. А как не попал в картотеку сверхподозрительного гестапо Зорге? Правда, можно вспомнить эпизод с намечавшимся назначением любимца немецкой колонии в Токио в партайгеноссе – вот до какой степени ему доверяли. Тогда московский Центр и сказал свое веское слово: опасно! Из Токио просто обязаны

были запросить подтверждение о благонадежности кандидата на пост руководителя организации НСДАП, объединявшей всех наци, живущих в Японии. И Зорге под благовидным предлогом отказался.

Нахожу этому лишь одно объяснение. Обаяние личности Рихарда Зорге было таково, что в головы (и умные тоже) людей, с ним общавшихся, никакое подозрение проникнуть никак не могло. Им хотелось верить в этого человека. И верили.

А еще удача. Теперь бы сказали: Зорге был фартовым. И это – тоже правда. Но даже фарт имеет обыкновение заканчиваться.

Шанхайские университеты

Да, советский разведчик Рихард Зорге прославился в основном фантастически успешной работой в Токио. Однако не следует забывать, что еще до длительного японского периода Зорге отработал несколько лет в Китае.

Легенда, как говорят профессионалы, приезда в Китай немецкого, а на самом деле уже советского, гражданина Рихарда Зорге проста. Сравнительно молодой человек отправился в огромную страну для изучения банковского дела и написания статей для трех иностранных изданий.

Кто придумал эту легенду? Парадоксально, но не высокое начальство из Разведывательного управления Красной армии, а сам начинающий разведчик. Да, настоящим разведчиком Зорге было назвать трудно, хотя его официально приняли на работу в Разведупр. Короткие собеседования, прощупывание на тему того, где, на каком участке немец мог бы быть полезнее и эффективнее. Приступили к учебе, которой суждено было вскоре завершиться.

Выяснилось, что сейчас не до нее. Горячая ситуация создалась в Китае, кого-то надо было туда срочно отправлять. И послали Зорге. Решение случайное, но именно случайно оказавшееся как раз верным. Рихард потом признавался, что ему не по душе чопорная, до боли знакомая Европа. Больше притягивало новое, неизвестное, восточное, азиатское. Вот где могли пригодиться его работоспособность и темперамент. К тому же в Советском Союзе возлагали немалые надежды на Китай – там могла развернуться настоящая революция.

Китай стал его сознательным выбором. Потому он без

колебаний принимает предложение руководителя Разведупра Берзина отправиться в Шанхай.

И как можно скорее. Всего ничего прошло с момента принятия решения работать на советскую разведку, а уже 10 января 1930 года японское судно с Зорге на борту бросает якорь в шанхайском порту.

За два с половиной месяца до отъезда энергичный немец сумел обогатить собственную легенду убедительными деталями. Еще в давние времена во Франкфурте Рихард познакомился с главным редактором «Дойче Гертрайдэ Цайтунг». Газета имела скорее сельскохозяйственное направление, чем какое-то политическое. Зато выходила ежедневно. Ее главный редактор сумел найти небольшие деньги на отправку в Китай собственного корреспондента. На только эти средства было не протянуть. И чтобы придать легенде еще большую правдивость и оправдать получаемые из московского Центра деньги на ведение разведывательной работы, Рихард быстро ухитрился заключить в том же Франкфурте договор с германо-китайским обществом на проведение научного исследования. Тема – «Происхождение и развитие банковского права в Китае».

Успел Зорге даже не съездить, а, извините, смотаться в США. Там он договорился, что будет регулярно посылать материалы для двух американских газет. И псевдоним (вовсе не оперативный) прекрасно знающий английский и отлично на этом языке писавший Рихард придумал соответствующий – Алекс Джонсон.

Он приехал в Китай под собственным именем и со своими подлинными документами немецкого гражданина. На его визитной карточке того периода, щедро раздаваемой и охотно из рук симпатичного немца принимаемой, выведено: «Доктор Рихард Зорге, почтовый ящик 1062, Шанхай».

Чем же занимался Рихард в Китае? Вместе с Берзином они определили список наиболее важных задач. Первая – определить и дать характеристику социальной, а также внешней и внутренней политической деятельности нанкинского правительства и отдельных его фракций. Далее выявить военный потенциал чанкайшистов. Получить сведения об оснащении армии – не только сил Чан Кайши, но и многочисленных военных клик, то появлявшихся, то исчезавших на внутриполитической арене Китая. Понять, какую стратегию избрали для себя в этом регионе США и Англия. Определить, на что способны иностранные державы в этой стране и какова их мощь.

Считается, что если 70 процентов из намеченного разведчику удается, то его миссия выполнена успешно. Справился со сложнейшими задачами и Зорге. За два года в Центр было передано около шести сотен донесений. О их важности свидетельствует другая красноречивая цифра. 250 из них легли на стол товарища Сталина.

Наиболее ценный документ из всего присланного, конечно, копия Антикоминтерновского пакта. Она попала в Москву еще раньше, чем ее получил в Италии сам участник фашистской оси Бенито Муссолини.

И это, несмотря на то, что почти сразу же, как и каждый иностранец, Рихард попал под колпак спецслужб. Вот свидетельство из архива полиции Шанхая: «С июля 1931-го по январь 1932-го Зорге находился под наблюдением полиции. Проверяли его абонементный ящик 1062. Следили за квартирой. Было установлено: из дома выходит редко. Свободное время проводит, играя в шахматы со знакомыми».

Надо заметить, что Рихард явно перехитрил службу наружного наблюдения (наружку. – *Н. Д.*). «Из дома выходит редко»... А Зорге изъездил весь Китай, преодолев 10 тысяч километров по трудным его дорогам. «Время проводит, играя в шахматы»... Но именно в Китае он как следует сработался с радистом Максом Клаузеном и его русской женой Анной, прибывшими в Шанхай в декабре 1929 года.

Как быстро все произошло! В 1928-м коммунист Клаузен приезжает в Москву. Сбывается его давнишняя мечта: он будет работать и жить в стране, строящей социализм. Но у разведки были на Макса свои виды. Ему предложили пойти на курсы радистов, которые он, проявив завидные способности, закончил через год. И сразу командировка в Шанхай, где легко сходящийся с людьми улыбчивый немец занялся коммерцией.

Случайно познакомился с женщиной, жившей по соседству. Ее звали Анной. Красивая и спокойная русская после некоторых настойчивых предложений, нет, еще не руки и сердца, а всего лишь поменяться снимаемыми комнатами, согласилась с чудаком немцем. Тот почему-то хотел жить только на неудобном чердаке, а ей отдавал свою гораздо более удобную квартирку этажом ниже. Тогда Анна еще не знала, что на чердаке радиостанция ее будущего мужа работает почти безукоризненно, а этажом ниже много помех. Знакомство переросло в дружбу, а дружба завершилась замужеством. Согласие на брак дали Клаузену – помимо невесты – сначала резидент Зорге, а потом и Центр.

Долго скрывать от Анны, кем на самом деле он является, «коммерсанту» Максу не удалось. Обстоятельства не позволяли продолжать игру в молчанку с собственной женой. Правда, сначала объяснения мужа в том, что он специалист по радиосвязи, успокоили Анну. Но почему такие частые отлучки? Зачем перевозить – и тайно – рацию с места на место? В конце концов Клаузен был вынужден признаться. Жена поняла и приняла.

И уже скоро, переезжая через границу, хладнокровно выдержала одно из первых испытаний. Таможенник увидел здоровенный ящик с рацией. Но открывать его было так долго и муторно, что он попытался взять молодую женщину на испуг. Потребовал, чтобы та под клятвой призналась, что́ в деревянном коробе. И Анна без сомнений выдала: «Посуда. Только тщательно упакованная посуда. Будете открывать? Если перебьете, придется вам и расплатиться». Рация благополучно пересекла границу, а Центр больше не сомневался: приобретен хладнокровный и надежный помощник. Кстати, подобной выдержки, демонстрируемой в тяжелейшие моменты, не всегда хватало Максу.

Вернувшегося после Шанхая в СССР Клаузена почему-то послали в степной городок в Саратовской области. Странно. То ли трудовое воспитание-перевоспитание, то ли недоверие. Анна осталась в Москве, а Макс научился управлять трактором, а для хобби и поддержания профессиональной формы открыл для местных и школу радистов-любителей. Его отметили грамотой, портрет ударника труда – немца повесили на Доске почета.

Тут в Центр и пришла телеграмма из Токио, где уже работал резидент Рамзай. Зорге признавался, есть тому и документальные подтверждения, что был готов остаться в Китае хоть на всю жизнь, так ему в огромной стране нравилось. Но политическая обстановка изменилась. Глобальные угрозы исходили уже из Японии, куда и должен был отправиться резидент. Еще в Шанхае он увлекся изучением японской культуры, политики, да всего, что имело хоть малейшее отношение к загадочной державе, в которой любой разведке в ту пору работать было чрезвычайно сложно, однако необходимо.

Зорге просил прислать ему в Токио в качестве радиста только Клаузена, с которым он так слаженно работал в Шанхае. И резиденту Рамзаю (это оперативное имя придумал для Рихарда сам начальник военной разведки Берзин) не отказали. Судьба Макса снова дала крутой поворот. Од-

ного из лучших радистов советской разведки, выше его ставили только Вильяма Фишера (будущего полковника Рудольфа Абеля), ждала большая работа. Интересно было бы узнать: пересекались ли в Шанхае, да и вообще в Китае, пути Макса Клаузена и другого мастера этой профессии – настоящего Рудольфа Иоганновича (Ивановича) Абеля, тоже работавшего в те годы в этой же части огромной страны? Правда, под крышей консульства. Последнее обстоятельство делает пересечение едва ли возможным, ибо легальная разведка старалась никак не соприкасаться с нелегальной, чтобы, не дай бог, не подвести, не поставить нелегалов под угрозу.

Содружество Зорге с Клаузеном переросло в дружбу и полное взаимопонимание, которое так помогло им через несколько лет в Японии, куда Макс Клаузен прибыл специально для работы с группой Рамзая. Анна присоединилась к мужу позднее, когда Макс сумел легализоваться в закрытой для иностранцев стране. Анну все принимали за немку. В немецком клубе она устраивала благотворительные вечера и организовывала всяческие праздники, а дома помогала мужу. Когда тот работал на рации, выходила гулять с собакой. Появлялся рядом кто-то посторонний, и Анна возвращалась домой, предупреждая мужа.

Иногда Анне Клаузен приходилось уезжать в опасные командировки. Возила неведомые ей документы, отснятые на пленках, в Шанхай. Держалась естественно, уверенно и ни разу не вызвала подозрений у таможенников и пограничников.

Да и свой основной источник – японского журналиста Ходзуми Одзаки – Зорге приобрел еще в 1930 году в Китае, где Одзаки с июня 1928 года трудился в Шанхае собственным корреспондентом «Осака Асахи». Случайность? Ничего подобного. Разведчик моментально выделил молодого японца из множества аккредитованных в Китае коллег. Тот не отличался задиристостью, не предсказывал, как некоторые его соотечественники, что Япония вместе с Германией станет владычицей мира. Наоборот, осторожно намекал: милитаристские настроения, ставка на экспансию способны погубить Японию. Одзаки очень помог Зорге еще в самом начале их знакомства. Это о нем Зорге писал: «Он был моим первым и наиболее ценным помощником. Одзаки добывал самую полную и интересную информацию, которая когда-либо поступала ко мне из японских источников. Сразу же я близко подружился с ним».

Они поняли друг друга. И это понимание переросло в тесное сотрудничество между немцем и японцем во благо Страны Советов. Именно Одзаки предупредил Зорге: продажные китайские генералы договорились отдать Маньчжурию японцам. На это предупреждение в Москве среагировали мгновенно.

Забегая вперед заметим, что в Японии Зорге постарался побыстрее отыскать Одзаки. Это удалось сделать через связника – югославского журналиста Бранко Вукелича. Тот представлял в Токио несколько французских изданий и, заглянув весной 1934 года в редакцию «Осака Асахи», не вызвал никаких подозрений.

Одзаки искренне удивился, узнав, что Зорге в Токио. Вернувшись домой из Китая, он был уверен: его друг Рихард по-прежнему в Шанхае. Вскоре они встретились в тенистом парке маленького городка. Зорге не пришлось уговаривать Ходзуми. Их ждала совместная работа.

А в Шанхае, конечно, далеко не все складывалось так, как хотелось. Тут можно сетовать на то, что, отправляясь в Китай, Зорге не прошел практически никакой специальной подготовки. Разведчик учился на ходу.

Активно занимался вербовкой. Правда, совсем не уверен, подходит ли это слово для объяснений действий Зорге. Он скорее старался приобретать не агентов, а друзей, способных помочь ему и Советскому Союзу. Метод убеждения был наиболее предпочтителен для Рамзая. Возможно, именно отношения полного взаимопонимания и дружбы между резидентом и его помощниками так долго спасали от провала.

Ну, как, например, можно было подкупить американскую журналистку Агнес Смедли, автора всемирно знаменитых бестселлеров. Рамзай привлек ее идеями, которые та разделяла. И в ответ Смедли, обладавшая огромным количеством самых разнообразных связей, знакомила его с людьми, определявшими политику в важнейшем регионе Азии. И, внимание, именно Агнес свела Зорге с Одзаки. Но можно ли называть писательницу разведчицей? Возможно, хотя и с натяжкой. А вот другом Зорге – точно. Смедли оказывала ряд услуг советской разведке и после окончания Второй мировой войны.

Другая сотрудница резидентуры Рамзая – Рут Кучински-Вернер вошла в историю разведки под псевдонимом «Соня». С ней Зорге тоже познакомился в Шанхае, где и началось ее многолетнее сотрудничество с советскими спец-

службами. В годы войны помогала знаменитому резиденту «Дора», он же – Шандор Радо, добывать и переправлять ценнейшую информацию из Швейцарии в Москву. В послевоенные годы занималась атомной разведкой. «Соня» мирно умерла уже в XXI веке в Лондоне, так и не раскрыв всех своих секретов.

Зорге фактически ни разу не дал повода для подозрений и благополучно уехал из Китая. Забегая далеко вперед напишу, что в обвинительном заключении Зорге, подготовленном японской политической полицией после его ареста в Токио, фигурировали лишь несколько человек, работавших с ним в Шанхае. Причем вина их не была никак доказана, никем и никогда не определена.

Под предпоследним 19-м номером в обвинительном заключении упоминается одной строкой «Пауль» – Римм Карл, в 1930 году заместитель и военный консультант Р. Зорге в Китае. Расшифруем то, о чем не знали японцы. Речь о кадровом сотруднике военной разведки, полковнике Карле Мартыновиче Римме. Эстонец по национальности, он был помощником Зорге. После отзыва Рихарда на родину для последующей командировки в Японию работал в Китае еще с несколькими резидентами. Вернувшись в СССР, возглавил отделение 2-го Восточного отдела военной разведки. Судьба, как и со многими разведчиками тех лет, обошлась с ним жестоко. В декабре 1937 года Карл Римм был расстрелян. Реабилитирован в 1957-м. А в 1965-м награжден орденом Красной Звезды «за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество, смелость и отвагу».

А последний 20-й номер в обвинительном заключении, где приводится полный состав группы Рамзая, – Агнес Смедли. О ее роли японцы могли только догадываться.

Все же они добрались до некоторых своих соотечественников, связь с которыми Зорге установил еще в Китае. Так, журналист Кавамура Иосио был арестован, как и многие члены группы «Рамзая», в 1941 году. Затем осужден и в 1942-м скончался, как пишется в «Трофейных японских документах, касающихся деятельности Рихарда Зорге и его группы», от последствий тюремного заключения.

Работа в Шанхае послужила отличной подготовкой для еще более тяжелого и результативного пребывания в Японии.

В 1930-х эта страна осуществила агрессию против Китая. Оккупировала часть его территории. Создалась серь-

езная угроза и советскому Дальнему Востоку. Зорге предвидел развитие событий в таком направлении, сообщая в Москву о все нараставшей угрозе со стороны японцев.

Еще в 1932 году в Китае Зорге сделал безошибочный прогноз о попытках США усилить свое влияние в мире и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В будущем США займут место Великобритании, как господствующая держава на Тихом океане», – радировал он в Центр из Шанхая. Вот уж действительно точнейший дар предвидения.

Был еще момент работы Рихарда Зорге в Шанхае, на который обращаю внимание. Он сумел постоянно получать отчеты немецких военных советников, оценивавших состояние противоборствовавших в Китае внутренних и иностранных вооруженных сил. Умение добыть и проанализировать такие отчеты немецкого руководства стало отличительной чертой его деятельности и в Токио.

С 15 февраля 1932 года и по октябрь 1941-го Рихард Зорге был резидентом советской военной разведки в Японии. И рядом с ним трудились преданные, проверенные помощники – журналисты Ходзуми Одзаки и Бранко Вукелич, радист Макс Клаузен с женой Анной.

Порой Зорге изображается человеком, выкованным из железа. Никаких личных забот, душевных переживаний. Как непохоже на правду. А больше всего он мечтал увидеть свою жену Катю. Да, в его жизни было немало женщин, но любовь всегда оставалась только одна. Понимал, что разлука с женой – навсегда. Но вопреки всему верил, что они еще встретятся. Писал ей: «Надеюсь, что наступит время, когда это станет возможно». Самообман? Самовнушение? Похоже. Но только так можно было заглушить тоску по любимой женщине.

Он грустил о матери. Скучал по сестре. Разойдясь во взглядах с братом Германом, задумывался и о его судьбе. Что будет, если в Японии его, Рихарда, арестуют? Зорге осознавал, что тогда родственники в Германии обречены. А вот жесткую травлю в СССР жены Кати, ее арест и трагическую гибель он при всей своей прозорливости вряд ли предвидел.

От себя с горечью добавлю, что испытания, выпавшие на долю Екатерины Максимовой, ни с чем не сравнимы. Величайшая несправедливость – погибнуть, по существу, быть замученной своими же. Не удалось отыскать ни единого свидетельства того, что Зорге каким-то образом узнал

о трагедии Кати. Они так и ушли из этого жестокого мира, веря друг в друга.

Сама мысль о ждущей его любимой женщине придавала сил Зорге. А они ему были нужны. Именно в Японии Рамзай понял, что способен не только получать ценнейшую информацию, но и оказывать влияние на развитие некоторых важных политических событий.

Спас Москву и СССР

Говоря о Зорге, мы все теперь с неоспоримым единодушием отдаем должное двум великим подвигам, им совершенным. А вот о третьем, на мой взгляд, не менее важном, почему-то не вспоминаем. Давайте же попробуем разобраться в том, чего добился Рамзай в Японии.

Подвиг № 1. Назвал точную дату войны

Начнем с очевидного, проторенного и пройденного. Именно Зорге в радиосообщении, переданном радистом Максом Клаузеном, уведомил Центр о безукоризненно точной дате начала войны. Однако в Москве его информацию восприняли скептически.

А первая радиограмма о неизбежной войне с Германией пришла из Токио еще 18 ноября 1940 года. Зорге тогда удалось узнать от специального посланника Гитлера, заехавшего с инспекцией в Токио, что все приготовления к вторжению в Британию – фикция. Германия не собирается воевать на два фронта. Фюрер решил бросить основные силы на уничтожение России.

Прошло немногим больше месяца, и Зорге передает конкретное уточнение: «На германо-советской границе сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер собирается оккупировать территорию Советского Союза по линии Харьков – Москва – Ленинград». А все дивизии, которые демонстрируют, всего лишь демонстрируют, намерения вторгнуться в Британию, не достигают даже полной численности. Часть солдат и техники уже переброшена на Восток.

Хотя Сталин постоянно читал донесения Зорге, разведчика он недолюбливал. То, что сообщал Рамзай, никак не вязалось с его собственными представлениями о воз-

можном развитии событий. Иосиф Виссарионович был уверен, что заключивший Пакт о ненападении Гитлер не решится перечить ему, вождю народов Сталину и не нападет на СССР. Глубочайший стратегический просчет, вызванный самоуверенностью, явной недооценкой силы противника. Подумаешь, какой-то резидентишка раз за разом передает телеграммы, от которых трясет всю разведку. Что значили они по сравнению с его гениальными предначертаниями.

Но Зорге был абсолютно уверен в надежности своих источников информации. Среди них – посол Германии в Японии Ойгер Отт, военный и морской атташе посольства и постоянно наезжавшие из Берлина в Токио высокопоставленные гитлеровские эмиссары. Среди них и нанесший визит в Токио фельдмаршал фон Бок. Именно тот самый, что после нападения Германии на СССР командовал на Восточном фронте группой армий «Центр». За рюмкой он много чего нарассказал миляге-журналисту. Можно сказать, что сотрудники посольства Третьего Рейха в Токио как могли помогали советской разведке, сообщая все, что только могло заинтересовать Зорге.

Конечно, немцы, как требовали того законы разведки, постоянно блефовали: то подбрасывали через своих военных сведения о различных датах начала военных действий, то вообще отрицали любые намерения Гитлера напасть на СССР. Рихард учитывал это и всегда проверял достоверность информации через другие источники: в друзьях у него были англичане, китайцы, американцы...

Да, время шло, в процессе подготовки к вторжению планы Гитлера менялись. Зорге, не поддаваясь на дезинформацию, отсекая все подброшенное, неправдоподобное, следя из Японии за каждым сделанным в Рейхе шагом, держал Москву в курсе событий. Чтобы оценить добросовестность Зорге в оценке и проверке поступавшей информации, достаточно проследить за последовательностью его действий.

Так, в марте 1941 года после задушевной беседы с новым атташе ВМС Германии Зорге дает Москве знать: фашисты могут начать войну сразу же после победы над Англией.

Но уже 11 апреля – новый сигнал о том, что немецкий Генеральный штаб, не дожидаясь завершения английской кампании, закончил подготовку к нападению на СССР. И в этом же месяце – подтверждение, с описанием действий близких к Гитлеру генералов.

Вскоре Зорге навел посла Отта на мысль осведомиться у Риббентропа о стратегических планах Германии – в интересах проведения более решительной политической линии в переговорах с Японией. Ответ был конкретен – война с СССР начнется в мае.

Затем, когда обстановка около действительно туманного Альбиона изменилась, посол Отт в конфиденциальной беседе информировал верного помощника и фактически своего пресс-атташе, такова уже официальная степень доверия к Зорге, что «германские войска могут перейти советскую границу в конце этого месяца – мая». Впрочем, следует оговорка, которую обвиняющие Рамзая в дезинформации, сознательно опускают: в том же донесении подчеркивалось, что есть вероятность переноса срока нападения на будущий год. И эти «временные допуски», подчеркивает Зорге, исходят не от его посольского окружения, а от тех, кто вершит дела в столице Рейха.

Так, он передает в Москву, что план нападения на СССР генерала Маркса, всего лишь однофамильца великого Карла, отвергнут Гитлером после тщательного и всестороннего изучения. Зорге даже сообщает, что после этого решения в окружении фюрера шутили: «Маркс – и на Москву? Только этого нам не хватало».

Зорге знал обо всех фашистских планах, мало-мальски связанных с Россией. Это как раз и делает честь разведчику. Он постоянно в курсе меняющихся событий, отслеживает все нюансы чужих – вражеских – намерений.

19 мая 1941 года Зорге посылает тревожнейшую информацию о девяти армиях, сосредоточенных на польской границе. Данные получены в конфиденциальной беседе со специальным посланником из Берлина Нидермайером.

30 мая 1941 года еще одна радиограмма. В ней прямая ссылка на Отта, утверждавшего, что война с Советским Союзом начнется во второй декаде июня. И в те несколько дней между этим сроком и началом войны на Зорге из Москвы сыплются упреки в паникерстве. На одной из его радиограмм Сталиным начертана резолюция: «В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая». На другое предупреждение о скором начале войны в Токио приходит ответ из Москвы, в котором прямо указывается, что Центр считает возможность нападения Германии на СССР маловероятной.

Но Зорге не боится гнуть свое, то, в чем абсолютно уве-

рен. Рихард не из конъюнктурщиков, ублажающих и убаюкивающих Сталина, боящихся ему перечить.

Ко многим информационным сообщениям Зорге дает и собственный комментарий, но какой: посол в стране оси Берлин–Рим–Токио уверен в точности своего прогноза на 95 процентов. При этом ссылается на Риббентропа, который заверяет Отта, что нападение на СССР – вопрос решенный. В разведке, да и не только, такая ссылка на высокопоставленный подысточник обозначает огромную вероятность основного сообщения.

Затем через день в подтверждение переданного приводится разговор с приятелем, военным атташе посольства Германии в Японии Шоллом: «Следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружать и изолировать отдельные группы. Война начнется 22 июня 1941-го». Рамзай также приводит слова Шолла о том, что военные действия могут развернуться и двумя днями позже. Сначала вторжение, а затем – объявление войны. Наступление будет вестись по всему фронту, главные направления – Москва и Ленинград.

Вносит свою важнейшую лепту в отправляемую в Москву информацию и помощник японского премьера Одзаки. Посол Японии в Германии был вызван к Гитлеру. Фюрер уведомил его: мы нападем на Россию 22 июня без объявления войны. Чтобы сообщить об этом Зорге как можно быстрее, осторожный советник принца Коноэ нарушает все правила конспирации. Всю ночь он простаивает около дома Зорге, ожидая Рихарда. Полиция не могла не заметить странного поведения высокопоставленного сановника Одзаки.

И Зорге понимает, что его группа на грани провала. Под любыми предлогами надо бежать из страны. Но разве можно подвести родину? Кто сообщит ей важнейшую информацию, если не его, Рамзая, люди?

И 15 июня 1941 года радист Макс Клаузен направляет в Москву еще одно грозное предупреждение: «Повторяю: 9 армий совершат нападение на советскую границу 22 июня! Рамзай».

Порой радиограммы настолько длинны, что Клаузен передает их частями. Это – огромный риск: все равно засечь радиопередатчик при столь длительной работе не составляло труда. Почти восемь лет регулярно посылал он радиограммы в Центр. Потом Клаузен подсчитал – в среднем отправлялось по два сообщения в день. А накануне 22 июня

1941 года группа «Рамзая», не считаясь с угрозой быть запеленгованной, идет ва-банк.

20 июня Зорге, прямо указав источник – посол Германии Отт, даже позволил себе в радиограмме излишнюю эмоциональность: «Через два дня начнется война между СССР и Германией. Она неизбежна». Как правило, такие выводы Центр никогда не приветствовал. Долг разведчика добывать информацию и сообщать со ссылкой на источник. А выводы – за московским начальством.

Сразу после нападения Германии Рамзай передает в Москву: «Выражаем наши наилучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу».

В этих сообщениях – все абсолютно точно. Кроме одного. Резидент больше не имел права подписываться собственным многолетним оперативным псевдонимом Рамзай. Центр, крайне недовольный работой Зорге, в виде своеобразного наказания сменил полюбившееся Рихарду имя на безликое «Инсон». Ведь не зря Сталин продемонстрировал недоверие Зорге и его группе в присутствии начальника Разведуправления Красной армии генерала Голикова, решившегося потревожить спокойствие вождя и наших границ щемящим душу докладом.

После упреков Сталина все сошки рангом поменьше решительно заклеймили Зорге если не предателем, то двойным агентом. Еще до этого финансирование токийской резидентуры сократили до минимума, чуть ли не в два раза. После этого все члены группы жили в основном на деньги Рихарда, зарабатываемые журналистикой, и его радиста Клаузена – удачливого коммерсанта. Зорге и не думал жаловаться на трудности. В Центр полетела радиограмма от группы «Рамзая» с просьбой переводить значительную часть их зарплаты в Фонд борьбы с фашизмом.

По некоторым сведениям, содержание группы «Рамзая» обошлось Центру в смехотворные для такого размаха деятельности 40 тысяч долларов. Абсолютное ничто по сравнению с переданной бесценной информацией.

Радиограммы Зорге в отличие от многих других разведывательных донесений не канули в вечность, не были уничтожены, сожжены. Они аккуратно хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. На некотрых из них – резолюции Сталина, подлинность которых почему-то оспаривают его последователи и сторонники. Но они, сделанные синим карандашом, есть,

существуют, хотя действительно шокируют отталкивающей грубостью: «Не послать ли ваш источник к ..... матери!»

Оценивая работы группы Зорге, можно смело сказать, что самыми точными, аргументированными, подтверждающими предыдущую информацию были именно донесения Рамзая из Токио. В группе Рамзая было 35 человек. Среди них четверо приехавших в Японию иностранцев. Остальные – бизнесмены, государственные служащие, военные, ученые, журналисты. А работали на них втемную или по идеологическим убеждениям 160 источников. Самая важная птица, ни о чем и близко не подозревавший принц и премьер Коноэ.

Конечно, не только Разведупр предупреждал Сталина о войне. Нарком государственной безопасности Меркулов все же решился положить на стол Иосифу Виссарионовичу сведенные вместе сводки множества донесений закордонных разведчиков, в которых те криком кричали о скором нападении Гитлера. Уломала Меркулова совершить этот смелый, если не рисковый шаг разведчица Зоя Рыбкина, она же будущая детская писательница Воскресенская. Поняв, что нарком не решается ознакомить Сталина с донесениями, которым вождь не хотел верить, Зоя Ивановна использовала последний, убедивший Меркулова аргумент. А что будет, спросила она, если война все-таки начнется в третьей декаде июня? С кого спросят? Именно этот, слегка шкурный довод, а не только забота о судьбе родины, заставил наркома собраться с силами и решиться на поход к вождю.

Увы, и этот шаг оказался бесполезным. После доклада нового молодого начальника внешней разведки Фитина, в котором была названа точная дата нападения на СССР, полученная из разных надежных источников, в кабинете Сталина повисло гробовое молчание. На календаре 17 июня 1941 года, а лишь три дня назад ТАСС выпустил свое ныне знаменитое: «Германия так же неукоснительно соблюдает условия советско-германского договора о ненападении».

Строгим недовольным голосом Иосиф Виссарионович спросил: что это такое? Впоследствии Фитин так описывал последовавшее объяснение: «Не без большого внутреннего волнения я сказал, что материалы надежные, получены от надежных источников и что информация их, которую получали ранее, подтверждается».

Иосиф Виссарионович подошел к своему рабочему столу, закурил трубку, повернулся лицом к руководителям раз-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru